Из воспоминаний Черевой Раисы Ивановны, медсестры 309-го медсанбата. [1994-1995 гг.].

Черева Раиса Ивановна.

ГКУ ГАК, ф. П-483, оп. 1, д. 415, л. 19.

[…] Мне было 17 лет, когда началась война. Я пошла в военкомат с заявлением, чтобы меня взяли на фронт.

В военкомате мне сказали, что у меня нет военной специальности, и чтобы я подросла (признаться, маленький рост и вес 42 кг доставлял мне много огорчений).

Рост по моему желанию измениться не мог, но военная специальность будет, в этом была уверена.

В июле м-це 1941 г. у нас организовали 6-месячные курсы медсестер без отрыва от производства.

Начали заниматься 150 девушек, но не было помещения. Где мы только ни занимались: в курилке Дома культуры, в коридоре техникума, в подвальном помещении школы № 19*, даже на квартирах занимались.

В это время арестовали врачей как «врагов» народа: терапевта Байкова и хирурга Кузнецова. Мы остались без врачей и без помещения. С трудом удалось добиться постоянную маленькую-маленькую комнату и дали нам врача Софью Савельевну Шадхан (эвакуированную из Москвы). После всех мытарств нас осталось из трех групп 20 человек. Работали по 12 часов на заводе, кроме того, каждый день по четыре часа занятий с 8 ч. вечера до 12 ч. ночи; дежурство или практика в госпитале. Так были заполнены сутки, что иногда и часа не оставалось для отдыха.

27 января 1942 г. закончили курсы медсестер 20 человек.

1. Багданова Тася – с завода, была в 845-ом с. п., погибла под Воронежем.

2. Миловидова Соня – с завода, была в 845-ом с. п.

3. Шувалова Люба – с завода – 309-й МСБ.

4. Черева Рая – с завода – 309-й МСБ.

5. Лапатина Гутя – студен. – 309-й МСБ.

6. Покровская Галя – студен. – 309-й МСБ.

7. Колофидина Аня – учитель, 845-й с. п., погибла под Воронежем.

8. Машканцева Лида – учитель, 845-й с. п., тяжело ранена под Воронежем.

9. Кузнецова Аня – 845-й с. п., ранена под Воронежем.

10. Намоконова Физа – 845-й с. п., выбыла по болезни из-под Воронежа.

---

* *Вписано над строкой.*

11. Тихтовникова Клава – 309-й МСБ.

12. Рая Лизети – 309-й МСБ, погибла под Харьковом.

13. Лебедева Нина – 309-й МСБ.

14. Говорухина Аня не была на фронте.

15. Исаева Антонина Иван. не была на фронте.

16. Трусова Зина не была на фронте.

17. Кузовлева Лина не была на фронте.

Еще одна девушка была в 845-ом с. п., ранило ее под Воронежем в ногу, фамилию не помню, а вторая тоже из 845-го с. п., по болезни демобилизовали перед отправкой на фронт, а одну (она работала в госпитале) не могу припомнить. Из 20 человек, что закончили курсы медсестер, 14 были на фронте. После окончания курсов пошла в военкомат, опять не берут, говорят, не можем брать рабочих вашего завода – бронь.

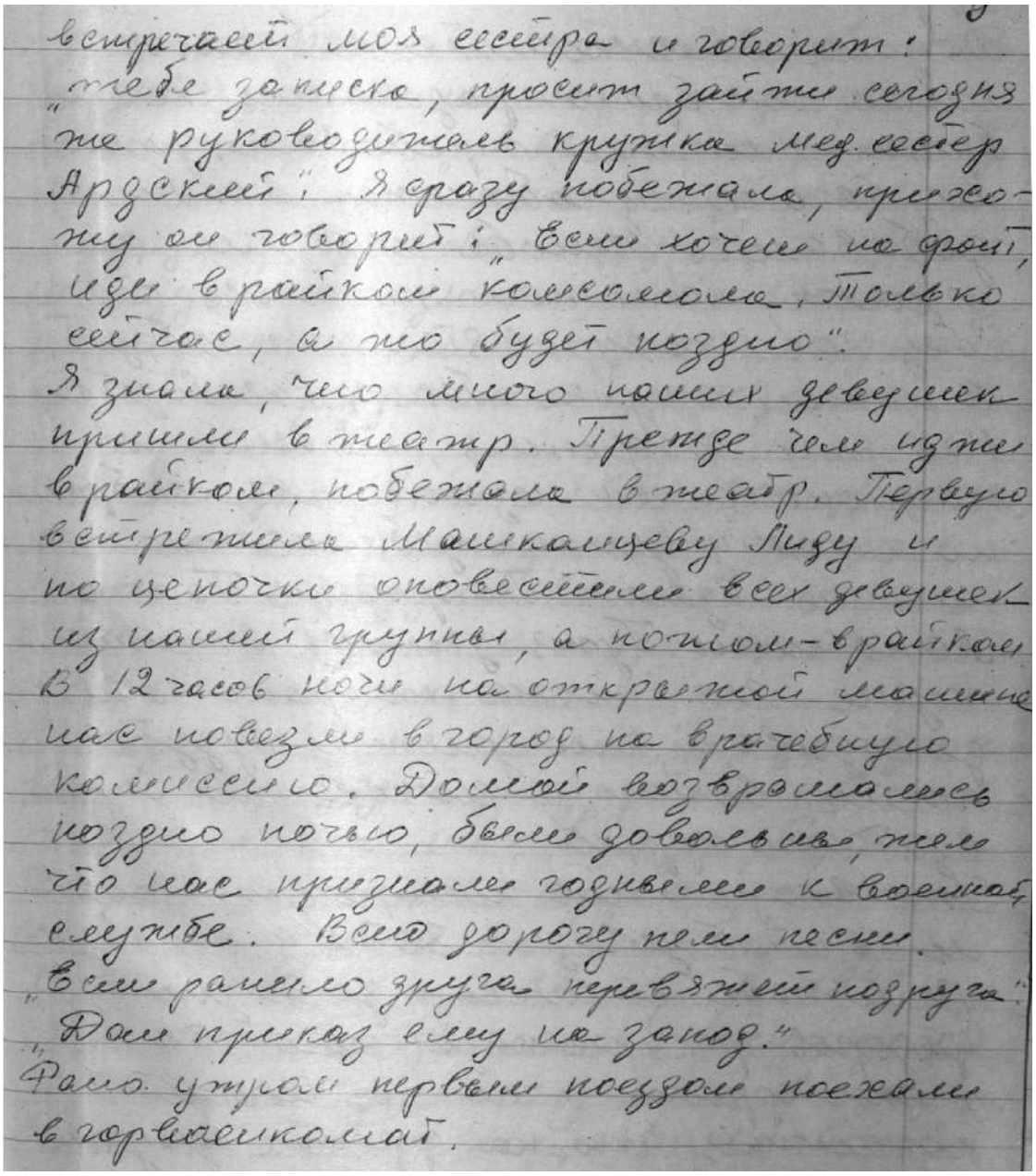
25 марта 1942 г. я работала с 8 ч. утра до 8 ч. вечера, прямо с работы всей сменой пошли в наш Дом культуры смотреть «Коварство и любовь» - театр.

Только захожу в вестибюль, меня встречает моя сестра и говорит: «Тебе записка, просит зайти сегодня же руководитель кружка медсестер Ардский». Я сразу побежала, прихожу, он говорит: «Если хочешь на фронт, иди в райком комсомола. Только сейчас, а то будет поздно».

Я знала, что много наших девушек пришли в театр. Прежде чем идти в райком, побежала в театр. Первую встретила Машканцеву Лиду и по цепочке оповестили всех девушек из нашей группы, а потом – в райком. В 12 часов ночи на открытой машине нас повезли в город на врачебную комиссию. Домой возвращались поздно ночью, были довольны тем, что нас признали годными к военной службе. Всю дорогу пели песни: «Если ранило друга, перевяжет подруга», «Дан приказ ему на запад».

Рано утром первым поездом поехали в горвоенкомат.

Девушек в военкомате собралось много, кого брали – радовались, кого не брали – плакали, требовали, умоляли, бегали из кабинета в кабинет, добивались, чтобы их взяли на фронт, всем нам казалось, что без нас не справятся, не победят. В нашей группе была Рая Лизета, Рая – это фамилия, кто была по национальности не знаю, ее не брали, но к концу дня она добилась того, что ее взяли. Покровская Галя и Лапатина Гутя учились в техникуме. Их тоже не брали, они доказывали, что учиться будут после войны, а сейчас их должны взять на фронт.



встречает моя сестра и говорит:
„тебе записка, просит зайти сегодня
„не руководитель кружка мед. сестер
Ардский". Я сразу побежала, прихо-
жу он говорит: „Если хочешь на фронт,
иди в райком комсомола. Только
сейчас, а то будет поздно".
Я знала, что много наших девушек
пришли в театр. Прежде чем идти
в райком, побежала в театр. Первую
встретила Маликанцеву Лиду и
по цепочки оповестили всех девушек
из нашей группы, а потом в райком.
В 12 часов ночи на открытой машине
нас повезли в город на врачебную
комиссию. Домой возвратились
поздно ночью, были довольны, тем
что нас признали годными к военной
службе. Всю дорогу пели песни.
„Если раненый друга перевяжет подруга"
„Дан приказ ему на запад."
Рано утром первым поездом поехали
в горвоенкомат.

Уже вечером нас построили и повели в штаб 303-ей с. д. В штабе комиссар дивизии Федоров Ф. К. рассказал нам, что такое фронт и чем все

может кончиться, что на фронте девушки тоже погибают и остаются инвалидами, придется спать на снегу, под дождем, быть голодной. «А вы насмотрелись кино, - (в это время шли кинофильмы «Подруги», «Фронтовые подруги»), - а хорошо не подумали, идите домой в вашем распоряжении ночь, хорошо подумайте, кто не передумает, приходите завтра».

С первых дней войны я только думала, как попасть на фронт? Но до этого не задумывалась, что меня ожидает, думала буду перевязывать и выносить раненых и все.

В эту ночь я не спала. Перед глазами всплывали одна за другой картины, то я убита или без рук, без ног. Утром встала с твердым решением, ехать на фронт.

В это утро, т.е. 27 марта 1942 г., мы опять собрались в военкомате. Из нашей группы пришли все девушки. В военкомате нас построили и повели в штаб дивизии. Нас встретил майор мед. службы Марков – ком. 309-го МСБ и капитан мед. службы Попова Валентина Ивановна. Стали делить нас на две группы. Назовут по фамилии, посмотрят, говорят в какую сторону отойти. В одну сторону отходили высокие. Я тоже попала к высоким /уже в г. Буй на занятиях майор Марков спрашивает меня, как я попала в МСБ. Говорит: «Я отбирал высоких». Дело в том, что я была в ботах с туфлями на высоком каблуке, в лыжном костюме и в фуфайке, и прошла за высокую и здоровую/.

Нас разделили на две группы и всех повели в химзаводскую баню: помылись, прожарили одежду. После бани нас повели в разные стороны. Нашу группу привели в Рудничный район и опять в баню, опять помылись и прожарили одежду. Здесь, в бане, ст. лей-т Фролов выдал обмундирование. Мой «высокий» рост не подходил под это обмундирование: гимнастерка до колен, рукава пришлось заворачивать, брюки, если надеть нормально, как носят, то мотня ниже колен. Мама мне дала веревочку /оторвала от фартука завязку, все наши матери ходили за

нами целый день/, завязкой я брюки подвязала подмышками, а брючным ремнем на положенном месте, и еще их хватило завернуть на пальчики ног; сверх брюк навернула портянки, обмотки накрутила прямо с пальцев и все свободно вместилось в ботинки /ботинки были на 5 размеров больше/, ногам после туфель так хорошо в ботинках, я еще подумала, хорошо в армии служить, и ноги не давит. Как переоделись, не могли узнать друг друга. Сколько было смеху, но я была смешнее всех.

Из бани нас повели в часть, т.е. в 309-й МСБ. Первая нас встретила дежурная по части лей-т мед. службы Ковалева Анна Степановна и старшина. Сразу ужин, после ужина старшина стал нас учить, как навертывать портянки и обмотки, предупредил, подъем в 6 часов утра, через 5 мин. быть в срою. Наш 309-й МСБ располагался в одноэтажном бараке. Койки железные в два яруса, никакой постели, даже доски нестроганые, подстилали брюки /если были сухие/, под голову – вещевой мешок, укрывались бушлатом. Не сразу нам удалось хорошо накручивать портянки, часто подводили обмотки, как прокричат «подъем», все соскакивают, каждый старается скорей одеться, а свет включить некому, в темноте, да тесноте кто-нибудь подтолкнет, обмотка вылетит из рук, покатится, вот и успей за 5 минут одеться.

Некоторые умудрились среди ночи надеть брюки и обмотки накрутить, но скоро разоблачили, и дежурный по части стал проверять.

Распределили нас по взводам, начались занятия: подъем по боевой тревоге, ползать по-пластунски, выносить раненых, уставы. Я долго не могла разобраться в уставе гарнизонной службы. Только когда стала ходить в наряд, стоять на посту, вот тогда поняла.

5 апреля 1942 г. приняли присягу. 17 или 18 апреля выехали на фронт. Наша казарма находилась около ворот центральной шахты. На территории шахты грузились в вагоны. Наш состав из Кемерова вышел ночью. Перед отъездом нам выдали юбки и летние брюки. Я получила брюки почти по своему росту.

В пути продолжали заниматься и готовили концерт к 1 мая. В г. Молотово мылись в бане. Однажды наш состав остановился в поле. Недалеко от вагона большая лужа. Мы все к этой луже – стирать кто что. Отправление, мы повскакали в вагоны, Зоя Сивилева только подлезла под вагон, и поезд пошел, Зоя осталась лежать между рельсами. Состав шел медленно, на последнем вагоне были солдаты, они помогли Зое сесть.

Накануне Первого мая комиссар б-на капитан Хазрон сказал, что 1 мая мы можем надеть юбки. Юбки-то в вещевом мешке измялись. Но выход найден: в вагоне стояла печка-буржуйка, о трубу и гладили свои юбки. Нас в вагоне было 36 человек, а труба одна, но юбки погладили. 1 мая в 4 часа утра нас подняли по боевой тревоге, мы думали занятие, вещевые мешки взяли, а юбки остались, развешенными по вагону. Оказалось, что это не занятие. Нам пришлось снова мять в мешке свои юбки.

1 мая 1942 г. выгрузились в г. Буй Ярославской обл.

Первое время медсанбат находился в деревне, командный состав жили по квартирам, мы в стайках. Погода стояла холодная, дождливая, промокнем за день, а сушить одежду расстилали на ночь под себя. Нам выдали меховые одеяла, на три человека одно одеяло.

Для кухни и стационара в лесу сами заготавливали дрова. Через полмесяца наш МСБ перевели в город Буй. Открыли стационар, были больные в полках.

В г. Буй много занимались. 13 июля вся дивизия вышла за город км 15 на занятия.

Мы прибыли на место занятий, развернули МСБ, ждем раненых. Видим, в штаб проскакал связной. Команда сворачиваться. Чуть не бегом в Буй и сразу погрузка в вагоны. 14 июля выехали на фронт. В Липецк мы прибыли ночью, выгрузились, прошли через город в лес, окопались. Вечером команда «приготовиться к походу». 25 км прошли с полной укладкой. После привала оставили только противогаз, вещи погрузили в

машину. Идти было тяжело: жара, по песку брели, как по снегу. Машины буксовали в песке, приходилось вытаскивать. Под Чертовицы прибыли днем, сразу стали развертывать МСБ, ставить палатки, рыть щели, ставить шалаши.

К вечеру стали поступать раненые. Они шли пешком, их везли на машинах, на подводах, на специально оборудованных машинах и на попутных. Лесочек быстро наполнялся ранеными, стоял стон: «Сестра, помоги, сестра, пить». Вся медицинская служба дивизии и нашего МСБ были девушки. Командир госпитального взвода был врач Захаров А. В., главный хирург Вахрамеев Петр, командир сортировочного взвода Азерьер Г. Е. и фельдшер Степной – вот и все наши мужчины. Уже несколько суток длится бой, никакой возможности передохнуть или покушать. Раненых не убывает, сколько отправим, еще больше поступит. У нас в МСБ делали сложнейшие операции, причем в палатках, освещение – иногда даже свечи, перевязки, уколы часто приходилось делать под открытым небом, не хватало места в перевязочной палатке. Каждому раненому не только надо* было оказать медицинскую помощь, а еще накормить, напоить, укрыть от бомбежки и отправить в тыл. Вся лавина раненых прошла через наши «слабые» девичьи руки.

Все это трудно описать, это надо было видеть, а видел, и думали, откуда брались силы у этих 17-20-летних девчонок. К концу недели ночью** пошел дождь. Раненые под открытым небом /правда их уже было мало/, до отказа набили все палатки, укрывали одеялами, брезентом. В первые дни я мало была в МСБ, ездила в полки за ранеными и сопровождала в госпиталь раненых. Иногда попадали очень капризные раненые, то ему повязка туго наложена, то машина трясет, в таком случае я всегда просила шофера свернуть на*** гороховые поля. Нарву побольше гороху и в машину, смотришь, и капризные успокаиваются – горох едят.

---

* *Вписано над строкой.*
** *Вписано над строкой*
*** *Вписано над строкой.*

Из-под Чертовиц МСБ переехал в сосновый бор, сразу стали строить блиндажи для себя, для раненых, копали котлованы, рубили лес, носили его на себе, строили все сами девушки. Каждый взвод старался, чтобы их блиндаж получился лучше. Построили целую деревню и все под землей, построили баню даже с парной /хотя армейская баня стояла недалеко от штаба дивизии, но каждый полк построил свою баню с парной, сибиряки любят париться/.

Когда дивизия стала в оборону, у нас в МСБ организовали свою самодеятельность, руководил врач Азерьер Григорий Ефимович, а хором руководил Лехтер. Саперы построили дивизионный клуб тоже под землей в Рыбацком поселке. В нем вручали награды, в нем праздновали 25-ю годовщину Октября, встречали новый 1943 год. Правда, вместо елки была сосенка, но нарядная, игрушки делали сами. Командир дивизии Федоровский Константин Степанович вместе с нами лихо танцевал свою любимую польку-бабочку. //

Под Воронежем радист 849-го с. п. написал песню «Сибиряки», начальник клуба капитан Маловинский написал музыку:

Из далекой Сибири, где сугробы зимой.
Где просторы кругом широки.
Под Воронеж на Дон с песней русской лихой
Подошли боевые полки.
Припев:
Сибиряки – отважные ребята.
Сибиряки в боях не подведут,
И 303 славу боевую
Сибиряки сквозь бури пронесут.
Будут помнить враги, как в боях на Дону
Разлетались и доты и дзоты.
Как бежали они, проклиная войну,
Побросав свои пулеметы.

Припев

И настанет тот день, тот решительный бой

В наступленье пойдем, как один.

И Сибири сыны, с песней русской лихой

Все гвардейцами вступят в Берлин.

Припев

В боях за Украину новая песня. Песня 303-ей стрелковой Верхнеднепровской Краснознаменной дивизии.

Боевая походная

Слова Вл. Баталова

Музыка В. Сусульникова

Эта песня родилась в боях.

В дни победных решающих схваток.

Очищая родные поля,

Гнали мы супостатов на запад.

Больше жизни Отчизну любя,

Мы сражались, не зная устали,

Орден славный дала нам страна

И в приказах отметил нас Сталин.

В этих жарких жестоких боях

Мы отважных героев взрастили

С нами вместе в рядах

Корниенко, Джунусов и Спирин.

От широкого Дона-реки

Через грохот сражений днепровских

Вел сибирские к славе полки

Наш комдив генерал Федоровский.

Славы наших сибирских полков

Мы в грядущих боях не уроним.

И в победных сраженьях с врагом

Мы геройскую славу утроим.

Припев:

Вперед, вперед, бойцы-верхнеднепровцы

Нас Родина на подвиги зовет,

Пусть выше знамя наше вьется,

Вперед, Краснознаменная, вперед!

[…] После сильных боев в районе Першино в само село собрали всех раненых для эвакуации в госпиталь. Их было человек 300, оставили двух врачей – Чеховскую Нину Владимировну, вторую не помню, две медсестры и четыре санитарки, шофер с машиной и Пожидаев Владимир вроде агитатора среди раненых. Село большое и разбросанное, раненые были размещены по квартирам. Помощь приходилось оказывать днем и ночью прямо на квартирах.

[…] Я пробыла на фронте уже полтора года. Сколько раненых прошло через мои руки. Как только не уродовала людей война. На моих глазах умирали тяжелораненые солдаты, лишенные рук, ног и даже внутренностей. А 7 января 1944 года в селе Федоровка Кировоградской обл. мне пришлось перевязывать раненых детей. Я не помню, сколько их было: трое? четверо? Но это были дети, жалкие, беспомощные.

Бомба попала в угол дома. Мать и отец остались невредимы, а детей ранило. Самому маленькому было несколько месяцев. Ему ободрало кожу со лба. У остальных детей было множественное осколочное, но не тяжелое ранение. Но когда я увидела этих малышей в крови, с трудом перевязала их, руки тряслись, меня колотило, как в лихорадке. И нет слов высказать свои чувства негодования и сейчас.

[…] В Венгрии у хозяина дома, где мы остановились, сын хорошо говорил по-русски, когда разговорились, оказалось, часть, в которой он служил, была нашим противником в г. Воронеже. И мы стояли несколько м-цев друг против друга. Мы спросили его, когда ты был в Воронеже, не думал, что русские придут к тебе на родину. Он ответил: «Даже такой

мысли не допускал, что русские смогут освободить свою территорию и прийти на мою родину».

ГКУ ГАК, ф. П-483, оп. 1, д. 415, л. 3-15об. Подлинник. Рукопись.